

DOI: 10.22455/2500-4247-2016-1-3-4-193-204

УДК 81'255.2+ 82.091

ББК 83.3(2Рос=Рус)+83.3(3)

К ПРОБЛЕМЕ ФРАГМЕНТАРНОСТИ ВОСПРИЯТИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В РОССИИ И ШВЕЦИИ XVIII В.

© 2016 г. М. Ю. Люстров

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, Москва, Россия

Дата поступления статьи: 28 октября 2016 г.

Аннотация: В статье рассматривается проблема фрагментарности восприятия инациональной литературы в России XVIII в. Автор сопоставляет корпус сочинений французских поэтов XVII в., переведенных на русский и шведский языки и опубликованных в русских и шведских изданиях середины XVIII в. При всех ожидаемых совпадениях русский и шведский перечни идентичными не являются, некоторые французские поэты XVII в. неизвестны в России, но чрезвычайно популярны в Швеции XVIII в. В центре внимания автора статьи — творчество члена Французской академии Э. Павийона и генерала Р. де Бюсси-Рабутена. В выходившем в Швеции в 50-х гг. XVIII в. издании “Våra försök” включены как многочисленные переводы их стихотворений, так и характерные рассуждения о специфике их поэтического таланта. Особенно часто шведские авторы размышляют о творчестве Э. Павийона. В «Сатире на щеголей» Г. Ф. Гюлленборга он сравнивается с Ж.-Б. Руссо, в «Шведских поэтах» Х. Ш. Нурденфлюхт отождествляется с известным шведским поэтом Я. Фрезе. Шведские стихотворения, содержащие упоминания Р. де Бюсси, в “Våra försök” отсутствуют, однако скандинавским авторам он известен, и интерес к его творчеству обуславливается участием этого поэта в событиях общей шведско-французской истории XVII в. Шведские авторы помнили об участии Швеции и Франции в Тридцатилетней войне и посещении Парижа шведской королевой Кристиной. По мнению исследователя, заметное при сопоставлении со шведским материалом отсутствие интереса к сочинениям этих авторов в России объясняется неостребованностью в строящейся русской поэзии XVIII в. некоторых «родов» французской поэзии XVII в. и обстоятельствами культурно-исторического свойства.

Ключевые слова: русская поэзия XVIII в., французская поэзия XVII в., шведская поэзия XVIII в., Э. Павийон, Р. де Бюсси-Рабутен, Х. Ш. Нурденфлюхт.

Информация об авторе: Михаил Юрьевич Люстров — доктор филологических наук, профессор РАН, старший научный сотрудник, Институт миро-

вой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская,
д. 25 а, 121069 Москва, Россия. E-mail: mlustrov@mail.ru

ON THE FRAGMENTARY PERCEPTION OF FRENCH LITERATURE IN THE 18TH CENTURY RUSSIA AND SWEDEN

Mikhail Yu. Ljustrov

A. M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: October 28, 2016

Abstract: The essay examines the problem of the fragmentary perception of European literature in the 18th Century Russia. The author compares the body of 17th Century French poetical works translated into Russian and Swedish languages and published in the Russian and Swedish editions in the middle of the 18th Century. Regardless of many predicted coincidences, Russian and Swedish lists are not identical. Some 17th Century French poets unknown in Russia were, however, extremely popular in the 18th Century Sweden. The essay focuses on the work of E. Pavillon, a member of the French Academy and of the General R. de Bussy-Rabutin. The “Våra försök” edition released in Sweden in the 1750s, included numerous translations of the poems by these two authors as well as discussions about the specificity of their poetic gifts. Pavillon’s works are in the center of discussion by Swedish authors. In G. F. Gyllenborg’s “Satire öfver Sprätthökar,” E. Pavillon is compared with J.-B. Rousseau, in H. Ch. Nordenflycht’s “De svenska poeter” he is identified with a famous Swedish poet J. Frese. Swedish poems mentioning R. de Bussy are absent in the edition of “Våra försök”, however the French poet was familiar to Swedish authors, and the interest in his works drew on his role in the 17th Century Franko-Swedish history. Swedish and French participation in the Thirty Years War and a visit of Christine, Queen of Sweden, to Paris were well known to Swedish authors. The paper argues that the lack of interest in the work of these authors in Russia is conspicuous if compared with their Swedish perception. This may be explained by cultural and historical circumstances and also by the lack of demand for some of the “species” of the 17th Century French poetry in the Russian poetry of the 18th Century.

Keywords: Russian poetry of the 18th Century, French poetry of the 17th Century, Swedish poetry of the 18th Century, E. Pavillon, R. de Bussy-Rabutin, H. Ch. Nordenflycht.

Information about the author: Mikhail Y. Ljustrov, DSc in Philology, Professor of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. E-mail: mlustrov@mail.ru

Одним из наиболее привлекательных аспектов исследования русской литературы XVIII в. является, на мой взгляд, проблема фраг-

ментарности представлений отечественного читателя о литературе другой страны. Среди сочинений известных в России европейских авторов встречаются никогда не переведившиеся на русский язык (как, например, не существует ни одного русского перевода стихотворных произведений знаменитого датского писателя Л. Хольберга). Сами же европейские авторы, знаменитые за пределами своей страны, в России могли быть неизвестны совершенно. Естественно, подобные факты нуждаются не только в констатации, но и в объяснении. Много оснований для размышлений на этот счет дают материалы русско-французского литературного общения середины — второй половины XVIII столетия.

Перечень наиболее известных в России середины XVIII в. французских поэтов XVI–XVIII вв. выглядит достаточно обширным и, как следует из напечатанной в «Полезном увеселении» (1762) статьи С. Г. Домашнева «О стихотворстве» (раздел «Стихотворство французское»), включает имена Малерба, Корнеля, Лафонтена, Кино, Буало, Расина, Руссо, Кребильона, де ла Сюз, Вольтера, Мармонтеля и Грессе. При этом, — о чем говорится в последнем пассаже раздела, — «французы имели сверх того великое множество стихотворцев, которые, не деля из сего искусства главного упражнения, но некоторыми приятными и вольными сочинениями сделались достойны примечания — таков был де Шалио и проч.» [3, с. 230].

О поэтах других европейских стран читатель «Полезного увеселения» узнавал значительно меньше, чем о стихотворцах Франции, или не узнавал ничего. Так, о поэзии «соседственной» Швеции Домашнев не говорит ни слова, о поэзии же Дании лишь то, что там «из Стихотворцев достоин примечания Бордингиус (Андерс Бординг, Anders Bording, 1619–1677. — *М.Л.*), который жил в недавних временах» и что «сочинения его напечатаны в Копенгагене в 1736 году» [3, с. 234]. По мысли автора статьи, в сравнение с французской поэзией не идут не только безнадежно отставшие от нее стихотворства скандинавских стран, но и поэзии немецкая и английская.

В русских журналах 50–60-х гг. XVIII в. публиковались переводы сочинений как названных в указанной статье известных французских поэтов, так и некоторых из «достойного примечания» «великого множества стихотворцев», например, автора знаменитого сонета “Grand Dieu, tes jugements sont remplis d`équité” Жака де Барро или «французской Каллиопы» Антуанетты Дезульер. Правда, несмотря на обилие русских переводов сочинений французских стихотворцев, сведения о французской поэзии в России середины столетия оставались отрывочными, а больша́я часть творений французских поэтов непереведенной. В новейшем научном обзоре русских переводов сочинений европейских авторов, помещенных в журнале «Ежеме-

сячные сочинения к пользе и увеселению служащие», в этой связи отмечается, что «появление в журнале каждого перевода из французских поэтов находит объяснение в литературных интересах, занятиях, взаимоотношениях, спорах и других обстоятельствах жизни и творчества трудившихся над ними русских писателей (главным образом А. П. Сумарокова и А. И. Дубровского), но картина этого мощного слоя французской литературы создается лишь фрагментарная, никакой систематической программы в этой области ЕС не имели» [1, с. 341].

Объяснить причины указанной фрагментарности картины французской поэзии (преимущественно XVII в.) и при этом выявить приоритеты русских переводчиков XVIII в. позволяет сопоставление подборки русских переводов сочинений французских поэтов с корпусом переводов, опубликованных в журналах других европейских стран. Как представляется, показательные результаты дает сравнение репертуара переводов, опубликованных в «соседственных» России и Швеции.

В русских и шведских изданиях середины XVIII в. круг сочинений европейских авторов, выбранных для перевода на национальный язык, был сходным и обязательно включал произведения Буало, Фонтенеля, Поупа, Вольтера, Геллерта и Хольберга (правда, повторю, в России, в отличие от Швеции, Хольберг-поэт известен не был). Что касается переводов стихотворений французских авторов, то они могли публиковаться как вместе с текстом оригинала, так и без, как с обозначением имени автора французского стихотворения, так и в сопровождении комментария: «подражание французским стихам», «переведено с французского», «подражание французской песне» (*Imitation af en Fransk Visa*) или просто «перевод» (*Öfversättning*). При выборе же стихотворений французских авторов XVII в. шведские поэты-переводчики руководствовались своими, не актуальными для их русских коллег соображениями. Обоснование неактуальности для русской литературы середины XVIII в. фигур некоторых французских поэтов XVII в. является темой предлагаемой статьи.

Весной 1753 г. шведским чиновником и поэтом Карлом Фридрихом Эклевом (1723–1786) было создано поэтическое общество «Орден строителей мысли» (*Tankebyggarorden*), наиболее деятельными членами которого стали известные поэты Хедвиг Шарлотта Нурденфлюхт (1718–1763), Густав Филипп Крейц (1731–1785) и Густав Фредерик Гюлленборг (1731–1808). Их оригинальные и переведенные стихотворения печатались в орденском издании «Наши опыты» (*Våra försök*), три тома которого вышли, соответственно, в 1753, 1754 и 1756 гг. Круг французских поэтов, чье творчество привлекло внимание шведских переводчиков, включал не только известных в

России Н. Буало, Ф. Кино, Б. де Фонтенеля, А. Дезульер, но и неизвестных российской читающей публике члена Французской академии Этьена Павийона и поэта-генерала графа Роже де Бюсси-Рабутена.

Наиболее популярным у сотрудников шведского издания французским стихотворцем являлся «хитроумный соперник Овидия» Этьен Павийон. Обозначенная Ю.И. Торпадиусом (1722–1760, поэт, представленным в журнале переводами из Буало и Хольберга) как подражание Павийону басня «Жаворониха и ее женихи» (*Lärskap och hennes friare*) опубликована во втором, а переведенное Х.Ш. Нурденфлюхт стихотворение «Совет Мудрости для Ирисы» (*Visdoms råd för Iris*) — в третьем томе издания «Наши опыты». В третьем же томе была напечатана сатира Г.Ф. Гюлленборга «На щеголей. Автору стихотворного письма о недостаточности знания» (*Satire öfver Sprätthökar. Till Författaren af Skalde-Brefvet om Kundskapens Otillräckelighet*), в которой шведский галломан сетует, кроме прочего, на отсутствие в национальной поэзии стихотворцев уровня Ж.Б. Руссо и Э. Павийона («кто подобно Павийону в изображении высок и силен?» [11, v. 3, s. 70]). В комментарии к этому фрагменту Руссо противопоставляется Павийону как поэт серьезный и оригинальный поэту вялому и томному. По мысли Гюлленборга, мало разбирающийся в поэзии, но претендующий на роль знатока шведский галломан не видит разницы между стихотворцами выдающимися и лишенными большого таланта. Можно предположить, что на восприятие Павийона в Швеции оказал влияние отзыв Вольтера, сделанный им в «Храме вкуса» (1731) — «приятный, но незначительный Павийон» (*doux mais faible Pavillon*). С одной стороны, этот поэт оказывается достойным переводов на шведский, с другой — не идет в сравнение с гениальным Руссо.

В том же третьем томе «Наших опытов» напечатано весьма затейливое, прозаическое, но содержащее большие стихотворные вставки сочинение Нурденфлюхт «Шведские поэты» (*De svenska poeter*), в котором один из лучших, на ее взгляд, шведских стихотворцев, известный поклонник и певец Карла XII, автор стихотворений на духовные и мирские темы Якоб Фрезе (1690 или 1691–1729) назван «нежным» и занявшим свое место около «опрыганного» Павийона. Оба эти автора кажутся шведской поэтессе приятными и вялыми, способными сильно «натянуть струны», но (и здесь Нурденфлюхт забывает о Павийоне и говорит только о своем «подражающем трелям жаворонка» соотечественнике) трогающими сердца слушателей [11, v. 3, s. 149].

Шведские и русские авторы нередко и с большой охотой оценивали значение отечественного поэта через его сопоставление с известным французским аналогом. Северным Малербом объявлялись У. Далин в

Швеции и М. В. Ломоносов в России, северным Буало — С. Триевальд в Швеции и А. П. Сумароков в России, подобным же Павийону оказывается лишь шведский поэт Фрезе. В «Стихах к «Опыту исторического словаря о российских писателях» (1772) старший наборщик академической типографии Иван Рудаков отмечает, что тот или иной русский автор может напоминать «забавного Скаррона», «у коего в стихах резвится сам Эрот», Буало, который «там видится в сатире», Малерба, подобно которому он «гласит на громкой лире», Расина, Кино, Мольера, Лафонтена и госпожу де ла Сюз [2, с. 193–196]. Любимый шведскими авторами Павийон отсутствует и в этом перечне образцовых французских поэтов. Судя по всему, в России XVIII в. в нем не видели ни автора стихотворений, достойных перевода, ни стихотворца, способного стать аналогом примечательного отечественного поэта.

Возможно, в лишь создающейся новой русской поэзии «томному и вялому», хотя и чрезвычайно приятному и трогательному сердца читателей Павийону места не нашлось. Ни одно из журнальных стихотворений, обозначенных русскими поэтами как переведенное с французского, принадлежащим Павийону не названо и исследователями русской литературы (в том числе и специально занимавшимися этим вопросом) ему не атрибутировано. Если шведские авторы адекватно оценивали масштаб этого французского стихотворца, находили отечественных авторов, чей талант был «внушаем» тем же «гением», стихотворениям Павийона подражали и их переводили, то русские коллеги в творчестве этого автора особого явления не видели, русских Павийонов не искали и предпочитали этого автора не замечать. Возможно также, что в русском восприятии место воспевающего любовь Павийона (в предисловии к его посмертному стихотворному сборнику 1715 г. отмечается, что Павийон пытался смягчить Ирис, Грации диктовали ему стихи и Любовь служила провожатым [7]) занимала госпожа де ла Сюз, «вспевающая любовны узы» (Сумароков) или умеющая «чувствовать любви златые узы» (Рудаков). Знаменитой же поэтессе, образцовому автору любовных элегий, Павийон составить конкуренцию, по всей видимости, не мог. И не только Павийон: в одной из стихотворных глав «Шведских поэтов» восхваляемая Нурденфлюхт знаменитая шведская поэтесса София Бреннер названа «не столь поэтически красивой, как де ла Сюз и Дезульер» [11, в. 3, с. 148]. Как бы то ни было, Павийон в России как оригинальный стихотворец, достойный подражания превосходный автор стихов определенного «рода» не воспринимался и востребован не был.

Другим французским поэтом, известным в Швеции, но не упоминавшимся в России, был аристократ и боевой генерал, опальный автор «Любовной истории галлов» (*Histoire amoureuse des Gaules*, 1665), «французский Петроний» граф Роже де Бюсси-Рабутен. Сти-

хотворение, получившее название «Счастливая жизнь, или Жизненные преимущества (подражание графу Бюсси)» (Lycklig lefnad eller Lifvets förmåner. Jmit. efter Cte Bussi), опубликовано во втором томе журнала «Наши опыты» вместе со шведскими переводами стихотворений Буало, Кино, Павийона, Дезульер, Марциала и Хольберга. Состав тома шведского журнала позволяет осторожно предположить, что отсутствие интереса к творчеству де Бюсси в России объясняется не спецификой или масштабом его таланта, но причинами культурно-политического свойства.

В отличие от прочих томов «Наших опытов», в книгу, включающую подражание стихотворению Бюсси, помещены переводы произведений французских поэтов исключительно XVII в. Для сравнения отмечу, что в третьем томе шведского издания были опубликованы переводы стихотворений кардинала де Берни и Вольтера, французскую же поэзию XVII в. представлял лишь Э. Павийон. При этом французские поэты, стихотворения которых собраны в одном номере со «Счастливой жизнью», были не только современниками, но и поддерживали между собой достаточно интенсивные творческие и личные контакты. В помещенном в сборник стихотворений Антуанетты Дезульер «Историческом похвальном слове» перечисляются многочисленные друзья-поэты и «знаменитые господа», «ценящие произведения, которые вышли из-под ее пера». К числу последних относится и заинтересовавшийся шведских поэтов середины XVIII в. «граф де Бюсси, весьма знаменитый и своим умом, и своими невгодами». В этой же статье говорится о многочисленных ответах на сочинения госпожи Дезульер, принадлежащих различным поэтам, в том числе Лафонтену, герцогу де Сент-Эньяну, «против которого госпожа Дезульер вела поэтическую войну», и Павийону, чье сочинение «приписывалось маркизу де Лафару» [6, р. 27].

Конечно, перечень авторов, названных в похвальном слове госпоже Дезульер, не ограничивается именами, заинтересовавшими шведских переводчиков, и кроме Ф. Кино, к числу друзей знаменитой поэтессы отнесены В. Конрар, П. Пелиссон, И. де Бенсерад, «два Корнеля», «два Тальмана», Ж. Менаж, аббат де Лаво и т. д. Между тем выбранные шведскими переводчиками стихотворения французских поэтов XVII в. оказываются собранными в одном томе «Наших опытов» и представляют собой сборник текстов авторов, входящих в большое поэтическое сообщество. Можно предположить, что шведских переводчиков Павийон и Бюсси заинтересовали прежде всего как члены единой поэтической корпорации, однако это предположение не объясняет отсутствие упоминаний имен Павийона и Бюсси в русских журналах и нуждается в некоторой корректировке.

Помещая переводы стихотворений французских авторов лишь XVII в. в одном, втором, томе шведского издания, скандинавские

авторы демонстрировали не только отличное знакомство с французской поэзией прошедшего века, но и серьезный интерес к самой этой эпохе. Можно предположить, что XVII столетие интересовало шведских редакторов второго тома «Наших опытов» в разных его проявлениях. Так, вместе с переводами названных французских стихотворцев была опубликована анонимная статья «Ответ на вопрос, кто был более великим королем, Густав Адольф в Швеции или Христиан IV в Дании?» (*Svar på den frågan: Hvilken varit större Konung antingen Gustaf Adolph i Sverige eller Christian den IV i Danmarck*), из которой следует, что «Христиан был великим королем во время мира, тогда как Густав Адольф был великим и во время мира, и во время войны» [10, v. 2, s. 145].

Связь между французской поэзией и историей шведских королей XVII в. обнаруживается без особого труда: деяния современных шведских монархов становятся одной из тем творчества симпатизирующих им французских поэтов. Так, в изданный в 1666 г. стихотворный сборник знаменитой госпожи де Ла Сюз входят две оды, посвященные «дочери великого Густава», отрекшейся от шведского престола, принявшей католичество, отправившейся в Рим и дважды посетившей Париж королеве Кристине, — «Королеве Швеции» (*Pour la Reyne de Suede. Ode 1*) и «Портрет ее величества царственной Мадемуазели» (*Portrait de S. Altesse Royale Mademoiselle. Ode 2*) [8, p. 23, 31]. В сборник сочинений той же мадам де Ла Сюз, изданный в 1725 г., включены ее письма «королеве Швеции» и «аббату Бурдело, врачу королевы Швеции».

Стоит отметить, что в самой Швеции середины-второй половины XVIII в. отношение к королеве Кристине было куда менее однозначным, чем к несомненному национальному герою Густаву II Адольфу. Так, в изданной анонимно «Нижайшей речи его величеству Густаву III на его День рождения» (Стокгольм, 1779) сказано, что «Кристина, единственная дочь Густава Адольфа, взшла на престол с обширными знаниями и с блестящими качествами, с любовью к государству и с таким готовым к его защите бесстрашным сердцем, что вся Европа была занята ее прославлением. Но это Солнце, которое при своем восходе так прекрасно сияло, служило и делало честь нашему Северу, склонилось к закату прежде полудня» [9, s. 8]. В «Речи на день рождения Его Королевского Высочества Кронпринца Густава Адольфа (Упсала, 1778)» Э.М.Фанта восшедшая на трон Густава II Кристина называется «юной и ученой», уподобляется сияющему лучами утреннему солнцу, не способному ярко светить при своем закате, и называется монархиней, в «наше время», возможно, сумевшей бы снискать всеобщее почтение [4, s. 4]. В речи «На мир между Швецией и Россией» (Упсала, 1791) Андерса

Густава Экеберга шведской королеве посвящен следующий пассаж: «Кристина ученая Амазонка, которая в это время одна сияла на Королевском Троне, поначалу немало способствовала процветанию страны. Ее увлечение науками зашло так далеко, что она почти забыла свой другой долг» [12, s. 21]. «Ученой амазонкой» Кристина названа и в стихотворной речи Экеберга, и в оде «Королеве Швеции» мадам де Ла Сюз, но если для французской поэтессы это качество делает Кристину «примером и предметом любви для всей этой Вселенной», то для шведского автора блестящая образованность королевы важна куда меньше, чем ее забытый долг перед своей страной.

В то же время в «Наших опытах» содержится отнюдь не критическое, вполне в духе мадам де Ла Сюз, упоминание шведской королевы. В прозаическом вступлении к названному сочинению Х. Ш. Нурденфлюхт «Шведские поэты» «шведский Малерб» Г. Шернфельм в споре с Д. Свифтом рассуждает о Кристине, «которая своей ученостью привела свет в изумление, и это в то время, когда науки и вкус еще не были в Европе достаточно разбужены» [11, v. 3, s. 135]. Шернфельм же, любящий правду и свое отечество, оценивается Свифтом в качестве главного поэта этой королевы и жалуется Аполлону на оскорбления, нанесенные шведской поэзии французами, англичанами и немцами.

Можно предположить, что шведские поэты-переводчики XVIII в., интересующиеся недавней шведской историей и отлично знакомые с творчеством французских поэтов XVII в., исходили из представления о шведско-французском культурно-политическом единстве в XVII в. и, останавливая свой выбор на творчестве того или иного французского поэта, учитывали в том числе и это обстоятельство. Оснований же для ощущения шведско-французского единства шведские авторы имели достаточно: кроме заинтересовавшей мадам де Ла Сюз истории королевы Кристины, в Швеции помнили об антиимперском шведско-французском союзе во время Тридцатилетней войны, о совместных боевых действиях Тюренна и Врангеля, о контактах кардинала Ришелье с канцлером Уксеншерной.

Выбранный шведскими поэтами «Наших опытов» в качестве стихотворца, достойного всяческого внимания, «мессир Роже де Рабутен, граф де Бюсси» в своих «Мемуарах» подробно рассказывает о событиях Тридцатилетней войны на ее последнем, шведско-французском этапе [5]. Де Бюсси принимал участие преимущественно в сражениях с испанцами и шведских союзников Франции специально не вспоминает, однако повествует о войне, в которой пал почитаемый в Швеции (и во Франции) король Густав II Адольф, победа в

которой сделала дружественную Франции Швецию великой европейской державой и которая сблизила две эти влиятельные страны. Уместно отметить, что в своем жизнеописании Петра I Л. Хольберг говорит о наступлении в Европе «нового периода», времени прекращения гегемонии Франции на юге и Швеции на севере континента.

Что касается другой известной работы графа де Бюсси-Рабутена — «Любовных максим» (Maximes d'amour) — то они включены в упоминавшийся сборник 1666 г. и следуют сразу за «Стихотворениями мадам графини де ла Сюз». Таким образом, сочинение офицера союзной Швеции страны оказалось напечатанным вместе с творениями французской поэтессы, воспевавшей королеву Швеции, и, возможно, это обстоятельство стало одной из причин, вызвавших внимание шведских переводчиков к фигуре французского поэта-герала.

В свою очередь русские переводчики середины XVIII в. ни о каком русско-французском культурном и политическом единстве в прошедшем столетии говорить не могли и, обращаясь к творчеству того или иного французского поэта XVII в., этот критерий, кажется, не учитывали. В отличие от тем шведской, английской или швейцарской, во французских поэтических сборниках XVII в. русская тема отсутствует как таковая. Французских поэтов XVII столетия не интересуют ни события русской истории, ни фигуры российских царей допетровской эпохи, ни какие бы то ни было совместные русско-французские политические шаги.

Конечно, предложенное объяснение причин особого внимания шведских поэтов к творчеству графа де Бюсси выглядит достаточно уязвимым: в соответствии с предполагаемой логикой редакторов «Наших опытов», среди выбранных ими французских поэтов должна присутствовать обращавшаяся к королеве Кристине мадам де Ла Сюз. Имя этой поэтессы упоминается в «Шведских поэтах» Х. Ш. Нурденфлюхт, однако переводы ее сочинений (в отличие от стихотворения Бюсси) отсутствуют. С другой стороны, публикация в шведском журнале переводов произведений знаменитого автора образцовых элегий была бы вызвана причинами, далекими от культурно-политических, и отсутствие шведских переводов ее стихотворений (равно как и пристальное внимание шведских авторов «Наших опытов» к творчеству Павийона) должны стать предметом специального исследования.

Для моей же работы важно, что русские авторы середины XVIII в. совершенно не интересуются творчеством некоторых заметных французских стихотворцев XVII в., что причины этого невнимания можно обнаружить, работая со шведским материалом, и что сопоставление творчества русских и шведских поэтов-переводчиков

французских поэтов XVII в. открывает малозаметные особенности русской литературы XVIII в. Кажется, отсутствие в России важных для шведов причин интересоваться творчеством Павийона и де Бюсси может служить одним из объяснений «фрагментарности картины» «мощного слоя» французской поэзии в русских журналах середины XVIII столетия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Иностранная литература в русских журналах XVIII века (Библиографический обзор) // Русско-европейские литературные связи. XVIII. Энциклопедический словарь. Статьи. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. 432 с.
- 2 Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб.: [Тип. Акад. наук], 1772. 264 с.
- 3 [Домашнев С. Г.] О стихотворстве // Полезное увеселение. [М.] 1762. Июнь. С. 227–240.
- 4 Fant E. M. Tal i Anledning af Hans Kongl. Höghet Kron-Prinsens Gustaf Adolfs födelse. Uppsala, 1778. 11 s.
- 5 Les Mémoires de Messire Roger de Rabutin, Comte de Bussy. Lieutenant Général des Armées du Roy, et Mestre de Camp Général de la Cavalerie Légère. Paris, 1697. Vol. 1. 489 p.
- 6 Oeuvres de. Madame et Mademoiselle Deshoulières. Paris, 1747. Vol. 1. 306 p.
- 7 Oeuvres de. Mr. Pavillon de l'Académie française. Paris, 1715. 229 p.
- 8 Poesies de Madame la Comtesse De La Suze. Paris, 1666. 124 p.
- 9 Underdånigt tal på Hans kongl. majestäts Konung Gustaf III:s Höga födelsedag. Stockholm, 1779. 12 s.
- 10 Våra försök. Stockholm, 1754. V. II. 191 s.
- 11 Våra försök. Stockholm, 1756. V. III. 176 s.
- 12 Öfver Freden emellan Sverige och Russland. Tal hållit offentligen på Uplands Nations vägnar 29 oct. 1790 af Anders Gustaf Ekeberg. Uppsala, 1791. 29 s.

REFERENCES

- 1 Inostrannaia literatura v russkikh zhurnalakh XVIII veka (Bibliograficheskii obzor). *Russko-evropeiskie literaturnye sviazi. XVIII. Entsiklopedicheskii slovar'. Stat'i.* [Foreign literature in Russian magazines of the 18th Century (bibliographical survey). Encyclopediac dictionary. Articles]. St. Petersburg, Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU Publ., 2008. 432 p. (In Russ.)
- 2 Novikov N. I. *Opyt istoricheskogo slovaria o rossiiskikh pisateliakh* [Historical dictionary of Russian authors]. St. Petersburg, [Printing house of Academy of Sciences] 1772. 264 p. (In Russ.)
- 3 [Domashnev S. G.] O stikhotvorstve. *Poleznoe uveselenie* [Useful entertainment]. [Moscow], 1762, June, pp. 227–240. (In Russ.)
- 4 Fant E. M. *Tal i Anledning af Hans Kongl. Höghet Kron-Prinsens Gustaf Adolfs födelse.* Uppsala, 1778. 11 p.

- 5 Les Mémoires de Messire Roger de Rabutin, Comte de Bussy. *Lieutenant Général des Armées du Roy, et Mestre de Camp Général de la Cavalerie Légère*. Paris, 1697. Vol. 1. 489 p.
- 6 Oeuvres de. *Madame et Mademoiselle Deshoulières*. Paris, 1747. Vol. 1. 306 p.
- 7 Oeuvres de. *Mr. Pavillon de l'Académie française*. Paris, 1715. 229 p.
- 8 Poésies de *Madame la Comtesse De La Suze*. Paris, 1666. 124 p.
- 9 *Underdånigt tal på Hans kongl. majestäts Konung Gustaf III:s Höga födelsedag*. Stockholm, 1779. 12 s.
- 10 *Våra försök*. Stockholm, 1754. V. II. 191 s.
- 11 *Våra försök*. Stockholm, 1756. V. III. 176 s.
- 12 *Öfver Freden emellan Sverige och Russland. Tal hållit offentligen på Uplands Nations vägnar 29 oct. 1790 af Anders Gustaf Ekeberg*. Uppsala, 1791. 29 s.